

Дэн Ворд

*Проростки
света*

Дэн Ворд

Проростки света

«Автор»

2026

Ворд Д.

Проростки света / Д. Ворд — «Автор», 2026

Ты — не проклятие. Ты — выбор, который никто не решался сделать. С детства Кая учили терпеть. Он — клеймённый маг, живущий в мире, где магия рождается из боли. Его считали пустоцветом, бесполезным сосудом, пока однажды в нём не проснулась сила, способная сжечь мир дотла. Единственная, кто не боится его — Лина. Она умеет забирать чужую боль, но её собственные раны уже не заживают. Вместе они сбегают из лагеря для проклятых и отправляются на поиски Сердца Мира — единственного места, где можно переписать законы магии. Но за свободу нужно платить. Кай должен сделать выбор: уничтожить зло, стерев себя, или переписать реальность, заплатив самую страшную цену — память о тех, кого любит. «Клеймо» — это история о том, как боль становится силой, а любовь — самым опасным и самым прекрасным заклинанием в мире.

© Ворд Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. ПЕПЕЛЬНЫЙ ПРИЮТ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Проростки света

Глава 1. ПЕПЕЛЬНЫЙ ПРИЮТ

Рассвет в Пепельном приюте всегда пахнет горелым.

Кай понял это в первый же день, когда его привезли — закованным в цепи, с мешком на голове, в трясущейся повозке. Тогда ему было шесть лет, и он ещё не знал, что запах гари станет для него единственным напоминанием о доме. Настоящем доме. Там, где была мать.

Он не помнил её лица. Он помнил только её руки. Тёплые. Сухие. Они гладили его по голове перед тем, как отдать солдатам.

— Ты сильный, — шептала она. — Сильнее, чем они думают. Помни это.

Кай не чувствовал себя сильным. Он чувствовал себя пустым. Как выскобленная тыква, из которой вынули все семена.

Сейчас ему было девять лет. Он лежал на жёстких нарах в общей казарме, глядя в низкий потолок, покрытый копотью. Рядом с ним спали ещё тридцать мальчишек. Все такие же, как он — с клеймами на груди, спине или руке. Все — проклятые. Все — опасные. Все — никому не нужные.

Пепельный приют стоял на краю Империи, там, где земля становилась серой и бесплодной. Говорили, раньше здесь была битва. Великая битва, где маги сожгли самих себя дотла, пытаясь победить врагов, которых уже никто не помнил. Теперь здесь был только пепел. И дети. И наставники, которые учили их колдовать через боль.

Кай сел на нарах и потёр глаза. Сон не приносил отдыха — во сне он снова слышал голос матери, но не мог разглядеть её лица. Только руки. Тёплые. Сухие.

— Опять не спал? — Голос был тихим, почти шёпотом.

Кай обернулся. На соседних нарах сидела девочка. Она была старше его — лет двенадцать, с длинными тёмными волосами, заплетёнными в косу, и глазами такого бледного цвета, что они казались почти прозрачными. Её звали Лина.

— Спал, — солгал Кай. — Немного.

— Ты стонал, — сказала она без осуждения. — Снова снилась мама?

Кай ничего не ответил. Он не любил говорить о ней. Слова будто высасывали из него остатки сил.

Лина не настаивала. Она просто сидела, обхватив колени руками, и смотрела на него своим странным, светлым взглядом. Она была целительницей — или, точнее, тем, кого здесь называли Приёмницей. Она не могла исцелять раны. Она могла только забирать чужую боль на себя. На несколько мгновений. А потом боль возвращалась — к тому, кто её испытывал.

Никто в приюте не знал, почему у Лины был такой дар. На её теле не было ни одной метки. Наставники подозревали, что её способности — это не проклятие, а случайность. Или, наоборот, проклятие особого рода. Слишком редкое, чтобы его понимать.

— Сегодня снова экзамен, — сказала Лина. — Ты готов?

Кай почувствовал, как внутри что-то сжалось. Экзамены в приюте — это не проверка знаний. Это проверка на боль. Каждую неделю наставники собирали детей в главном зале и заставляли колдовать. Один огненный шар. Один порыв ветра. Одно движение мысли. За каждое заклинание нужно было платить.

Кто-то резал себе ладонь. Кто-то ломал палец. Кто-то вырывал волосы. Чем больше боли — тем ярче магия.

Кай был худшим. Он не умел причинять себе боль. Его тело словно сопротивлялось. Он пытался — резал кожу, бился головой о стену, кусал губы до крови. Но магия не приходила. Только слабая искра. Только тёплый ветерок. Только насмешки наставников.

— Пустоцвет, — говорили они. — Бесполезный кусок плоти.

И дети повторяли за ними. Смеялись. Толкали его. Били.

Кай ненавидел экзамены.

— Я не готов, — признался он тихо. — У меня не получится.

Лина сползла с нар и подошла к нему. Она села рядом, так близко, что он чувствовал её запах — сладкий, травяной. Единственный приятный запах в этом мире гари и пота.

— Я могу помочь, — сказала она. — Как всегда.

Кай покачал головой:

— Ты не можешь колдовать за меня.

— Я могу забрать твою боль. Когда ты будешь пытаться. Это не магия за тебя. Это... поддержка.

Она протянула руку. Кай посмотрел на её ладонь — тонкую, с длинными пальцами, на которых уже были старые шрамы от его прошлых попыток. Она брала его боль, и её кожа трескалась, кровоточила, но она никогда не жаловалась.

Он не взял её руку.

— Я справлюсь сам, — сказал он.

— Ты всегда так говоришь.

— И всегда не справляюсь.

Лина вздохнула. Она не обиделась. Она никогда не обижалась на него.

— Тогда сделаем так, — сказала она. — Ты будешь думать о маме. О её руках. Помнишь? Они были тёплыми. И сухими. Она гладила тебя по голове, когда ты боялся. Это помогает. Тёплые руки — это не боль. Это спокойствие.

Кай закрыл глаза. Он попытался вспомнить. Руки матери. Да. Они были именно такими. Сухими и тёплыми. Он помнил, как они пахли — хлебом и дымом. Он помнил, как она обнимала его, когда ночью гремел гром.

— Кай, — позвала Лина. — Открой глаза.

Он открыл. Она улыбалась. Светлая, тихая, почти невидимая улыбка.

— Всё будет хорошо, — сказала она. — Даже если сегодня не получится. Завтра получится. Или послезавтра. Ты сильный. Твоя мама знала.

Кай хотел ответить, но в этот момент в коридоре загремел колокол. Тяжёлый, железный, с хриплым звуком. Экзамен начинался.

Главный зал Пепельного приюта был огромным. Каменный пол, высокие окна без стёкол — только решётки, сквозь которые ветер гнал серую пыль. В центре зала стоял чёрный круг, выложенный из обожжённых камней. Наставники называли его Кругом Испытаний.

Дети собирались вокруг, дрожа от холода и страха. Их было сорок. Сорок клеймёных магов, от восьми до шестнадцати лет. Все они уже знали, что им суждено. Их будут тренировать, пока они не станут достаточно сильными, чтобы отправиться на войну. Или умрут. Или сойдут с ума от боли.

В приюте редко кто доживал до восемнадцати.

Наставник Горн вошёл в зал, как всегда, с хмурым лицом и тяжёлой поступью. Он был огромным человеком с бритой головой и шрамами на руках — магия оставила на нём свой след. Он был одним из немногих выживших магов старого поколения, и он ненавидел детей.

— Построились! — рявкнул он. — Молча! Быстро!

Дети вытянулись в шеренги. Кай встал в последний ряд, стараясь спрятаться за более высокими мальчишками. Он чувствовал, как сердце колотится о рёбра. Ладони вспотели.

Горн прошёл вдоль строя, вглядываясь в лица. Он останавливался возле каждого, проверяя, нет ли следов подготовки. В прошлый раз один мальчик попытался обмануть систему — выпил зелье, которое притупляло боль. Горн сломал ему руку и заставил колдовать, пока тот не потерял сознание. Мальчика больше не видели.

— Пустоцвет, — услышал Кай голос наставника. — Выходи.

Он вздрогнул. Горн стоял прямо перед ним, глядя сверху вниз.

— Я сказал, выходи. Или ты оглох?

Кай шагнул вперёд. Ноги дрожали. Он подошёл к Кругу Испытаний и остановился, чувствуя на себе взгляды всех детей. Кто-то усмехнулся. Кто-то пожалел его. Большинству было всё равно.

— Покажи, чему ты научился, — сказал Горн. — Простое заклинание. Огонь. Свечу.

Кай сглотнул. Огонь. Простейшее заклинание, которое любой клеймённый маг может сделать даже без боли. Просто щелчок пальцев.

Но Кай не мог.

Он поднял правую руку, сжал её в кулак и попытался представить пламя. Маленькое, тёплое пламя, как у свечи. Он перебирал в голове все образы — огонь в печи, огонь в очаге, огонь в фонаре. Ничего. Рука оставалась холодной. Пустой.

— Я... я пытаюсь, — прошептал он.

— Пытаешься? — переспросил Горн. — Мы здесь не пытаемся. Мы делаем. Ты знаешь, что нужно делать.

Кай посмотрел на свои руки. Он знал. Нужно было причинить себе боль. Ударить себя. Укусить. Порезать.

Он зажмурился и изо всех сил сжал зубы. Он попытался представить, как вонзает ноготь в ладонь — но его рука не слушалась. Тело отказывалось наносить себе урон.

— Я не могу, — выдавил он.

Горн шагнул к нему. Его лицо было близко — крупное, с глубокими морщинами и холодными глазами.

— Ты хочешь, чтобы я помог тебе? — спросил он. — Я могу помочь. Я очень хорошо умею помогать.

Кай хотел отступить, но его ноги приросли к полу. Он смотрел в глаза Горна и видел в них только одно — безразличие. Наставнику не было дела до него. До любого из них.

— Пустоцвет, — громко сказал Горн. — Ты здесь уже три года. Три года я смотрю на твоё жалкое лицо. Три года ты проваливаешь экзамены. Знаешь, что делают с бесполезными магами?

— Нет, — прошептал Кай.

— Их отправляют в шахты. Там не нужно колдовать. Там нужно просто работать, пока не умрёшь от истощения. Хочешь в шахты?

— Нет, — уже громче ответил Кай.

Глаза защипало от слёз. Он не хотел плакать, не здесь, не перед всеми. Но слёзы текли сами.

— Тогда покажи мне чёртов огонь! — заорал Горн.

И ударил Кая по лицу.

Удар был тяжёлым, грубым. Кай отлетел к Кругу и упал, ударившись спиной о чёрные камни. Боль вспыхнула яркой, обжигающей волной. Голова зазвенела. Во рту появился металлический привкус крови.

— Вставай! — крикнул Горн. — Вставай и делай!

Кай поднялся на дрожащих ногах. В ушах шумело. Лицо горело, будто его ошпарили. Он смотрел на свои руки, и впервые в нём родилось что-то, кроме страха. Злость.

Он сжал кулаки. Он вспомнил, как его били другие дети. Как смеялись над ним. Как называли Пустоцветом. Как мать отдала его солдатам, потому что у неё не было выбора. Потому что если бы она не отдала его, её бы убили. Всё это было несправедливо. Всё было неправильно. Мир был неправильным.

И эта злость — горячая, горькая — затопила его изнутри.

— Огонь, — прошептал он.

И его ладонь загорелась.

Сначала это была искра. Маленькая, робкая, желтоватая. Но она росла. Она разрасталась, пожирая воздух, становясь ярче и горячее. Кай смотрел на неё, не веря своим глазам. У него получилось. Впервые.

Но боль.

Боль была невыносимой. Кожа на ладони начала чернеть, покрываться волдырями, но Кай не мог остановиться. Пламя вырывалось из него, как будто он был не человеком, а факелом. Он кричал. Он пытался сбросить огонь, но огонь был им.

Горн отступил на шаг. На его лице появилось удивление — первая настоящая эмоция за все три года.

— Убери это, — сказал он. — Прекрати.

— Я не могу! — закричал Кай.

Пламя охватило всю его руку. Кожа трескалась, обугливалась. Он чувствовал, как горит его плоть, но боль куда-то уходила. Или он просто перестал её замечать. Вместо боли была ярость. Яростное пламя. Яростный мир.

И тогда случилось то, чего никто не ожидал.

Огонь вырвался из его ладони вверх, ударил в потолок, разлетелся искрами по всему залу. Камни Круга Испытаний раскалились добела. Стекло в окнах треснуло. Дети закричали и бросились врассыпную.

Кай стоял в центре всего этого хаоса, истекая кровью, с обугленной рукой, и смотрел на свои руки, не понимая, что происходит.

Внезапно чьи-то сильные руки схватили его за плечи. Кто-то тряс его, что-то кричал. Кай не слышал. Он видел только огонь. Огонь, который лился из него, как вода из разбитого кувшина.

— Хватит! — заорал Горн. — Остановись! Ты сожжёшь всех!

Кай попытался остановиться. Он закрыл глаза. Он представил, как огонь гаснет, как возвращается в его тело, как он снова становится просто мальчиком, а не горячей головешкой.

Огонь погас.

Кай рухнул на колени. Его правая рука была чёрной, обугленной, с кровавыми трещинами. Он не чувствовал её. Всё, что он чувствовал — это пульсирующую боль в голове и тошноту.

Наступила тишина. Только треск догорающих камней и чьё-то всхлипывание.

Горн смотрел на Кая. Долго. Пристально. Его лицо было бледным. Кай впервые видел наставника таким.

— Ты, — сказал Горн, — не Пустоцвет. Ты вообще не то, что я думал.

Он повернулся к остальным детям:

— Отведите его в лазарет. И пришлите целителя.

— Целитель не поможет, — раздался тихий голос.

Кай поднял голову и увидел Лину. Она стояла рядом, её лицо было бледным, но глаза — ясными.

— Я помогу, — сказала она. — Я заберу его боль.

Она подошла к Каю и опустилась перед ним на колени. Её руки коснулись его обугленной кисти. Кай вздрогнул и попытался отдернуть руку, но Лина мягко сжала его пальцы.

— Тише, — сказала она. — Я знаю, что делаю.

Она закрыла глаза. Кай почувствовал, как от его руки к ней перетекает что-то горячее, тягучее. Боль. Она уходила. Медленно, по каплям.

Лина побледнела ещё сильнее. На её ладони появились красные пятна — ожоги, которые она забрала у него. Она не кричала. Она просто сжимала его пальцы, стиснув зубы, пока боль не перешла к ней.

Потом она открыла глаза.

— Всё, — сказала она хрипло. — Теперь легче?

Кай посмотрел на свою руку. Она всё ещё была обугленной, но боль ушла. Только тупое, ноющее чувство в костях.

— Легче, — прошептал он.

Лина улыбнулась и убрала руки. Её ладони были в крови, но она не обратила на это внимания.

— Ты сильный, — сказала она. — Помнишь? Я говорила.

Кай ничего не ответил. Он просто смотрел на неё, на её окровавленные руки, и думал о том, что никто никогда не делал для него такого. Никто не забирал его боль.

Он не знал тогда, что это был первый шаг к чему-то, что изменит весь мир. Он не знал, что его сила была не в магии. Она была в боли. И в том, что рядом оказался кто-то, кто готов был разделить её с ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.